

АННА ВИНЕВСКАЯ

Тайна хрустального дома

ИСТОРИЯ ОДНОГО ЛЕТА

Анна Винеvская

Тайна хрустального дома

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16855741
ISBN 9785447434342*

Аннотация

Увлекательная психологическая драма, описывающая историю одного лета. Молодая женщина в поиске своего счастья, своего мужчины и своего жизненного пути. Кажется, что это обычная история, однако те ситуации, в которые попадает героиня книги, заставляют нас задуматься о том, так ли все просто в нашей жизни? Книга написана по мотивам тренингов по системно-векторной психологии Юрия Бурлана.

Содержание

Предисловие	5
Пляски в вечности	8
Остров	16
Сны после полуночи	21
Антонина	27
Встреча	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Тайна хрустального дома

история одного лета

Анна Винеvская

© Анна Винеvская, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Мы живем, наполняя себя продуктами чужой деятельности. Мы потребляем то, что произведено другими. Обретая сознание после восьмичасового сна, мы начинаем потреблять. Но знаем ли мы, что мы потребляем? Мерилом успешности в любой сфере человеческой деятельности является произведенный продукт. Литературные или музыкальные произведения, станки, здания, техника, идеи – все, что производит человеческая масса в своей совокупности, есть продукты ее жизнедеятельности.

Накопленная критическая масса этих продуктов стремится к тому, чтобы обрести форму. И эта форма должна соответствовать запросам потребителя, иначе ее не замечают, не используют, и она создает интеллектуальный и материальный балласт. Запросы современного потребителя довольно капризны и непостоянны в непрерывной гонке за новым, неизведанным, не открытым.

Откуда появляются новинки, если мы живем в рамках закона, стандарта, шаблона? Мы живем в тисках дресс-кодов, правил поведения, наказаний и санкций за неисполнение закона, ограничений, а в целом, мы перечитываем руководство к жизни, которое определяется только двумя словами: «нет» и «нельзя»! Стандартизация и ограничения современного общества заводят в тупик, и сжимают тиски свободной

мысли. Именно эта свободная творческая мысль производит намерение узнать о строении ядра атома или исследовать законы земного притяжения, познать гармонию музыки или гармонию законов природы.

Мысль рождается не в тисках стандарта, хотя она этот стандарт и порождает. Свободная творческая мысль – это искра, вылетевшая из пламени вечности и озарившая путь человечества огнем Прометея. Эта мысль живет по своим законам – это законы самой вселенной. Как гармоничны струны вселенной, так гармонична и музыка мысли в свободном полете – полете творчества.

Объединяющее творческое начало, сотворенное в первом атоме, в цветке эдельвейса, в первом плаче ребенка, кантате Баха, – является ли все это стандартом? Можем ли мы сказать, что луч робкого весеннего солнца, хруст теплой хлебной корки, запах свежескошенной летней полуденной травы так манящи для нас, потому что соответствуют законам и рамочным представлениям? Где истоки того особенного знания о мироздании и творческом начале?

Любовь... вот, что движет гармонией этого мира. Внутренняя сила жизни, рожденная любовью, озаряющая путеводной звездой творческую свободную мысль, создает тот потенциал, который заставляет двигаться атомы, планеты, галактики, каждый новый день начинать как первый и последний, открывать неизведанное, рождать творческие сущности и, наконец, крутить гигантский маховик жизни во все-

ленной. Любовь рождает творчество, как родник рождает реку. И неважно, облачено ли творчество в законы гармонии или оно свободно существует в вариациях живого и неживого во вселенной, преломляется ли оно законами социальной жизни или правилами грамматики в тетрадке первоклассника.

Ясно то, что творческая свободная мысль, опираясь на фундамент шаблонов, законов и норм, рожденная и вдохновленная любовью живет вне ограничений, вне времени и вне пространства. Творчество безгранично, как безграничная вселенная, единственным законом которой является любовь...

А. Винеvская

История одного лета «Тайна хрустального дома» написана на «одном дыхании». В ее основу положены лекции по **системно-векторной психологии Юрия Бурлана**, которые проводятся на портале <http://www.yurlan.ru>. Сюжет истории придуман совместно с писателем Клищенко Татьяной.

Системные заметки путешественника по времени – это не автобиографические истории. Их персонажи являются вымышленными. Любое сходство с действительностью является случайным. Эти истории написаны также на основе тренингов по **системно-векторной психологии Юрия Бурлана**.

Пляски в вечности

*Мир есть госпиталь для неизлечимых.
Артур Шопенгауэр*

Окно было раскрыто настежь. Стояли жаркие летние дни. Раскаленное уличное марево вязкой неподвижностью наваливалось на плечи, липко обволакивая и гася любое желание. Не хотелось уже ничего. В открытое окно доносился уличный шум, пронзительно и настойчиво звали Колю, раздраженно лаяли собаки, где-то ругались пьяные люди. Потные мысли тяжелым грузом оседали на дне мозга. Середина лета душно и устало висела над провинциальным южным городом.

Обмотавшись мокрым полотенцем, она утомленно побрела на кухню...

Последний год своей замужней жизни она жила с усталой мыслью о том, что эта кухня, надоевшая жареная картошка, бесконечные воспоминания мужа о детстве на Сахалине превращают ее жизнь в мрачную клетку, из которой есть только один выход. Куда? Она не хотела об этом думать. Иногда эти мысли сами лезли в голову.

Сидя в душном маленьком полуподвальном помещении издательской бухгалтерии, ежедневно проводя десятки счетов, сводя дебет с кредитом чужой жизни, она каждый раз,

колоотя отчаянными пальцами по жертвенному калькулятору, мечтала найти кнопку, чтобы открыть себя – замурованную в тесную клетку быта, безысходности и отчаяния.

А вечером после душной, набитой безликими счетами комнаты, она приходила в такую же удушающую однообразным бытом маленькую двухкомнатную квартиру, жарила на ужин картошку и выслушивала бесконечный рассказ мужа о счастливом детстве. И сидя напротив него, наблюдая за его чавкающим, хлюпающим и жующим ртом, вытянутой майкой, свисающей на уже оформившийся живот, выпученными коленками трико, она не думала и не мечтала уже ни о чем.

– Прекрати чавкать! – кричала она. Посмотри на меня! Моя жизнь, словно клетка. Я здесь пустое место! Ты не видишь меня! Я для тебя лишь старая ненужная мебель, стена, на которую ты не обращаешь внимания! Я безразлична тебе!

И видя, что муж от ее истерики впадает в ступор, она продолжала, повышая тембр голоса и уже выкрикивая слова и фразы, словно вкрикивая их в сознание своего мужа, стараясь впечатать то, что она ощущает, в его нервную систему.

– Мне нечего даже одеть! Я скоро буду ходить голая!

Видя какой эффект вызывают ее крики, она, чтобы усилить впечатление от своих слов, подходила к шкафу с посудой и начинала бить все, что попадало ей под руку. Кидала в сердцах, с чувством, сопровождая каждую тарелку или чашку известной ему из таких истерик фразой о том, что

она – ненужная мебель, стена, пустое место.

Накричавшись, нарыдавшись, перебив часть посуды, она успокаивалась до следующей Луны. И на пике эмоционального накала все начиналось снова...

Вместе с новым утром приходили надоевшие звуки: вот шаркающие стоптанные тапочки мужа, бульканье воды в кипящем чайнике, звон чашек, бурчание ей вслед о том, что все заботливые жены готовят мужу завтрак, а она – неблагодарная бесхозяйственная неумеха. Да, и не понимают здесь ни его самого, не уважают его мать, его дочь от предыдущего брака и всю его родню.

И снова цифры, счета, жареная картошка...

Разнообразие мужчин в ее жизни сменялось их же однообразием. Словно какой-то рок преследовал ее. Не избалованная мужским вниманием, она соглашалась на первую встречу, потом на вторую, потом становилось жалко мужика от услышанных рассказов о несчастном детстве, о больной маме у него на руках, о мечте найти женщину, которая бы понимала, ведь ему так мало надо в жизни – только чуточку счастья. Потом она словно теряла себя, пытаясь обогреть его, и, будто ныряла в глубину без скафандра, оглушенная своей же жалостью, каким-то наступившим безволием и втянутостью в его жизнь. А года через три – оглушенная, связанная по рукам и ногам непонятным и обязательным долгом перед ним, вдруг опомнившись, лихорадочно искала возможность убежать, скрыться, исчезнуть.

Что происходило с ней за эти три года? Заботы, желание угодить, мысли об общем ребенке... Но дети не рождались, угодить становилось все труднее и труднее. И тогда тоска знакомым силуэтом усаживалась у изголовья кровати и перебирала длинными влажными пальцами ее мысли, собирала их в косы, вплетая темный образ безысходности.

Может быть поменять обои? Или купить новые туфли? Так жить невозможно. Нужно что-то менять. И тогда она или била посуду, или вспыхнувшее стремление к новизне заглушало на какой-то миг тоску. Ей чудилось, что жизнь обретала новые краски. И это воодушевление, эта потребность к красоте, казалось, придавала воздушность ее итак легкому телу, блеск ее погасшим за стеклами очков глазам, смысл ее бессмысленному существованию.

Клеились обои, покупались новые туфли или даже платье, проходило и возбуждающее чувство новизны. Но оставалась снова пустота, оставались размеренность и скупость провинциальной жизни, будни с чужим детством на Сахалине, чужими детьми от прежних непонятых браков.

Сухой горечью осадка оставались звуки шаркающих старых домашних тапочек и пропитавший несбывшуюся жизнь запах жареной картошки. Оставалась тоска и усталость, разочарование собой и этой длинной однообразной жизнью. И этого сухого остатка ее жизни было так мало, что, сдунув его с ладони, можно было сказать – кто такая? А ничего и не было?

Что оставляет после себя каждый человек? Горстку сухого остатка? Физическое воплощение себя в детях? Социальную память, как память о своих делах, своей жизни, которую сохраняют другие люди? Но и они уйдут, оставив кучки сухой пыли... Что каждый из нас оставляет после себя в этой жизни?

Сотворенные и рожденные из небытия, в небытие и ушедшие, мы оставляем после себя след погасшей звезды на черном бархате пустой вселенной. Эта вселенная, наполненная нашими мерцающими искрами, живет благодаря мигу нашего существования, искрами, озаряющими для кого-то пустые глазницы времени. Каждое живое или неживое воплощение сущего, является отражением одного единого желания и намерения – жить...

Все сущее, как первозданное зеркало – отражается в своей вселенной, имея и неся собой намерение постоянного творения, и отражаясь в своих творениях. Все есть одно и одно есть все. Жизнь каждого человека существует и отражается в жизнях всех, с кем рядом он живет – в переживании счастья и единения с шумом морского прибоя, близости к бледному лицу луны в теплую южную ночь, волнующего объятия или звенящих чувств, внезапно нахлынувших в момент узнавания своего лица на старой черно-белой фотографии. И не только... Как белое и черное, добро и зло, либидо и мартидо в спиральном витке противоборства эти силы создают

и разрушают, оставляя в великой войне противостояний вещество, которое когда-то станет мыслить.

Как счастьем и наполнением переживается сама Жизнь, так и страданием и нехватками где-то внутри переживается то, что делает Жизнь конечной, что позволяет ощутить этот холод вечности, этот конец пути для каждого из нас лично.

Прикосновение края вечности, – и ты становишься каплей в несущемся потоке стремнины, сливаешься с другими каплями и становишься водой, течешь по подземным руслам и выходишь светлым, чистым, хрустальным ключом на поверхность земли, ты течешь в реках, разливаясь в плесы, торжественно и глубоко вливаясь в море. Или ты – покой, молчание и вечное спокойствие земли, твердость, устойчивость, незыблемость и прохлада скалы, и корни травы и деревьев проникают в тебя с силой живого ростка. Миг – и ты танцующий бесконечную пляску язык пламени, саламандра – жительница огня. Пламя вибрирует, трепещет, порождая горячие искры, они уносятся вверх – туда, где снова бесконечность обнимает их, приглашая разделить покой и пустоту вечности. Или в безмолвной пустоте ты поднимаешься вверх и растворяешься в воздухе – в огромном голубом пространстве, покое, легкости и радости, ты летишь в потоках воздуха и они играют тебе нежную песню ветра. Ты летишь над землей – над полями, городами, растворяясь в прозрачном эфире и ощущаешь бесконечность огромного воздушного океана, обнимая собою землю, весь мир, пронизывая

все и всех. Ты живешь в душе земли, воды, огня и воздуха. Ты и есть эта единая душа, которая окутывает собой всю землю и весь мир...

Что ей чудилось или снилось? Как понять свои ощущения? И не сошла ли она с ума? Нельзя так много работать. И сколько раз она говорила себе, что семья, а не работа должна быть у женщины на первом месте. Но кто такая женщина? Иногда она думала, что не похожа на других – не такая хозяйственная и домовитая, слишком жалостливая и сердобольная. Она испытывала какую-то необъяснимую щемящую тоску в груди, видя больных животных, детей, старых беспомощных людей. И хотелось плакать... и ком в горле стеснял. Хотелось убежать куда-то, спрятаться от своего переживания чужого страдания. Было стыдно ощущать свою непохожесть, или скорее несхожесть с другими женщинами. Не то, чтобы она не пыталась как-то научиться быть женщиной. Нет. Было какое-то внутреннее знание, что она не такая. Другая.

Иногда, уносясь в своих мечтаниях, она грезилась. И эти сны наяву скорее были похожи на чьи-то чужие жизни, о которых она знала и которые ей были более близкими, чем ее настоящая жизнь. И эти то ли сны, то ли грезы миражами ложились в канву жизни, челноком снуя, проявляя себя в утке и основе красками чьего-то замысла, являя себя в спутанной паутине намерений общего вселенского движения к со-

вершенству и бесконечности.

Остров

Мир за стеклом прекрасен. И ты за стеклом прекрасна. По какую сторону от стекла ты и мир? Ты создана только для того, чтобы любоваться тобой.

Она села напротив зеркала, сняла очки и стала вглядываться в свое отражение. Блики солнца играли и подпрыгивали на ее ресницах словно мячики. Вглядываясь в свое отражение в зеркале, она как бы погружалась сама в себя. И разглядывая каждую деталь своего отраженного лица, она понимала, что время идет, и когда-то мелкая сетка морщин опутает ее лицо и шею, тело будет стареть и лишь глаза – такие влажные и нежные, будут готовы проронить чистую слезу.

Вглядываясь в отражение в зеркале, она увидела черный зрачок, который стал расти и расползаться, а затем и вообще превратился в остров, к которому приставали оранжевые гондолы, украшенные цветами и гирляндами. Управляли лодками смелые гондольеры, одетые в нарядные рубашки и красные бархатные шляпы. Стройные гондольеры смеялись, а те, кто уже был рядом с островом, весело переговаривались. Парами и тройками гондольеры направились в город, выстроенный из белого камня. Здания из белого кир-

пича, белоснежная церковь, мощенные белым камнем улицы обещали уют и покой. Но не за этим уютом и покоем прибыли в белый город молодые гондольеры.

В центре города располагался хрустальный дворец. И каждый вечер в одно и то же время, лишь только край солнца касался края земли, в центральной зале дворца появлялась необыкновенно красивая молодая женщина, при одном виде которой луна стеснялась своего света, когда восходила на небо.

Когда полумрак опускался на землю, запевал свою прозрачную песню фонтан, и хрустальный дом казался фееричным зрелищем. Блики огня перегоняя друг друга соревновались в яркости, прыгая от одной хрустальной стены на другую, заснувший днем фонтан в центре площади, окружавшей дворец, пробуждался вечером и игриво приглашал всех разделить свою прохладу. Капли воды также, как и блики света соревновались за возможность быть названной самой яркой, ведь при дневном свете они вряд ли были бы так красивы.

Толпа мужчин, которая в одно и то же время собиралась около хрустального дома, гудела и шевелилась. Все ждали одного и того же события – протяжной песни, которую пела прекрасная женщина, живущая в хрустальном дворце. Никто не знал и не понимал слов этой песни. Но каждый, кто ее слышал, чувствовал объединяющую всех тоску и печаль. Каждый переживал какое-то новое чувство, от которого хотелось любить женщину – любить тревожно и горячо. А по-

том сразиться смело и отдать жизнь за что-то...

Казалось, что эта женщина была не из плоти и крови. Никто не видел ее в простом домашнем платье или озабоченной домашними делами. Всегда статная, спокойная, сохраняющая свой ритуал постоянным, она казалась мифом и в то же время была реальностью. Ее холодная недоступная красота и высокий обволакивающий голос будоражили, и этот призыв был похож на призыв оставить все, забыть обо всем и идти за ней или к ней. Казалось, что эту песню, поет не женщина в хрустальном дворце, а полуголая вакханка, исполняющая сакральный ритуал вокруг костра в ночь перед боем. Своей откровенной обжигающей пляской она открывала врата войны. Она была началом и концом, альфа и омегой другого мира – мира военных действий, мира, куда уходят воины, чтобы отдать все, что у них есть – свою жизнь, и остаться в вечности воспоминанием о последней минуте, о последнем вздохе, последнем желании женского тела и тепла. Об этом пела женщина за хрустальными стенами. Об этом грезил статные молодые нарядные гондольеры.

Война и охота всегда сопровождали жизнь человека. А чтобы выжить, нужно было убивать. И неважно, кто становился добычей. Война и охота внутри человека вырастали в войну и охоту в мире снаружи, в мире, где каждый мог быть победителем или стать жертвой. Освоение новых территорий или ментальная экспансия требовали все новых участников. Все новые молодые тела и души призывались из небы-

тия, чтобы в реальном мире стать в строй тех, кто копьем и мечом завоевывает малые минуты мира, отдавая вечность войне.

Молодые и отважные воины без тени сожаления всегда готовы легко отдать свои жизни, как будто их жизни бесконечны. Мысли о смерти нет у молодого воина лишь потому, что он не познал то, что сделало бы его душу бессмертной. И эта готовность умереть, помноженная на азарт боя, словно заноза свербит в сердце, догоняя каждую мысль, не давая покоя молодому воину. Что ему терять, зачем сохранять свою жизнь, если есть звенящий меч и единый порыв к сражению, многолико и яростно живущий этим воином в битве?

Сохраняя душу юному бойцу, приходила она – та, что пела и танцевала у вечернего костра накануне битвы, чтобы согреть своим телом, чтобы отдать свою вечернюю любовь тому, кто завтра встанет в строй с оружием, чтобы душа воина оставила свой бессмертный отпечаток в вечности.

Женщина ли она? Не принадлежа никому и одновременно принадлежа многим, не имея своих детей, она сохраняла для будущего жизни не обстрелянных и не обученных мальчиков, чтобы, придя с войны, могли они оставить после себя многочисленное потомство, лишь иногда с трепетом вспоминая об одной ночи перед боем, когда узнав вкус женщины, они узнавали внезапный вкус собственной жизни. Об этом пела женщина в хрустальном дворце.

И эта протяжная песня напоминала людям, слушавшим

ее, пережитые кем-то когда-то мгновения острого счастья, которые приходят внезапно и ощущаются лишь в следующее мгновение такой же внезапной его потери.

Возбужденная толпа успокоилась. Протяжная песня женщины, поющей за хрустальными стенами, подействовала умиротворяюще. И веселые гондольеры, и граждане города стали печальными и какими-то опустошенными – то ли от пережитого в песнях, то ли от того, что отдали свои искры жизни этому невероятно красивому поющему существу за стеной.

Мир внутри хрустального дома отличался от мира снаружи. Внутри была создана идиллическая картина гармонии, роскоши и благоденствия. Узорчатые хрустальные стены, поющие фонтаны, диковинные растения, яркие бабочки, порхающие и оживляющие дом, и сама его обительница, словно большая экзотическая бабочка¹ всегда плавно и величественно перемещалась внутри дома. Все это создавало иллюзию цветного миража среди белого города. И этот мир внутри казался таким доступным...

¹ Архетипический образ Анимы представлен природным началом в виде Бабочки, неспособной к рефлексии и моральным размышлениям, находящейся в подчинении от внешних впечатлений. Бабочка – бессознательная часть, живущая в непосредственности природного мира, не отличая добра от зла.

Сны после полуночи

И этот стеклянный дом, и эта поющая нимфа были сном. Его сном. Когда он засыпал, а это случалось лишь после полуночи, измученный своим дневным существованием, где-то далеко в закоулках его мозга пробуждался навязчивый образ поющей нимфы в хрустальном доме. Этот образ приходил снова и снова, и погружаться в эту явь было приятно. Песня из хрустального дома успокаивала, у него переставала трещать голова, останавливались раздражавшие на части серое вещество мысли. Эти мысли... они бежали наперегонки, рьяно спорили друг с другом, и их гвалт и крик, визг и возню уже невозможно было терпеть. А эта женщина из хрустального дома, которая в последнее время стала являться к нему во сне, разгоняла столпотворение визжащих и хрипящих мыслеформ и пела только одну песню о счастье, о бое, об отважных воинах и о том, что эту жизнь не имеет смысла жить, потому что все закончится и пройдет.

То, что жизнь не имеет смысла он давно уже понял. Жить мешало двойственное ощущение себя. Себя в этом теле. Тело, требовало тепла и еды, сна и покоя. Оно страдало, болело и чем дальше он жил, тем больше хотел освободиться от него – своего тела. В последнее время появились еще и мысли, которые разговаривали разными голосами, настойчиво требовали, чтобы он что-то выполнил. Собственно, эти

мысли, как и тело жили собственной жизнью и пытались все время подчинить его себе.

Его, как и тысячи других, таких же как он, пронизывал вопрос – зачем я живу? Зачем? – тысячами отголосков вторило все вокруг?

Каждый день превращается в ежедневный моцион и уже все равно, что происходит вокруг. Ему было скучно. И нельзя сказать, чтобы это была какая-то меланхолия или тоска, или печаль. Его одолевала Скука, – серая и безликая масса, тихой тенью следующая за ним.

Прожигая жизнь в пустоте интернета он сидел, вглядываясь в немигающий экран. В чем смысл моей жизни? – спрашивал он себя. В чем смысл происходящего со мной?

Иногда казалось, что происходящее трогает, задевает какой-то глубокий болезненный нерв. И все, что его окружает, как в немом кино, перемещается под руководством безмолвного и все сильного дирижера. И тогда происходящее лишь на мгновение вызывало улыбку. И эти надоедливые мысли...это постоянно нуждающееся в чем-то тело...

Было все равно, как жить, потому что ощущения жизни не было. Была лишь скука.

Просыпаться утром было тяжелее, чем засыпать накануне, и он старался не заснуть. И мысли муравьиными тропами снова бежали по известным дорожкам: Жить или умереть? Зачем это все? Что будет потом?

И он думал о своей единственности, что только он один

мучился этой неразрешимой загадкой – смысла своего существования.

Вопросы о смысле жизни стали приходить к нему в детстве. Он любил время, когда все в доме успокоится, утомятся мальчишки за окном, выяснят отношения соседи, мать перестанет греметь посудой на кухне, затихнут звуки машин. Постепенно отходящий ко сну город воспаленными неморгающими глазницами фонарей сигналил, что настало твое время. И в этой тишине можно остаться наедине со всей вселенной.

Самое любимое время – ночь, когда слышен каждый звук где-то вдали: вот, бежит запоздалый прохожий – его уже ждали дома, вот, маетно чешется пес, где-то вдалеке то ли стон, то ли смех... и на всех одна вселенная – распахнутая, черная и немая.

Было ли ему скучно тогда? В детстве, когда звуки будоражили так же, как и вопросы смысла жизни и смерти? Нет, скуки не было, потому что казалось, что люди живут вечно, и будет всегда шесть лет, дни мраморными слепками будут повторяться один за другим, а оглохшие ночи будут оживать своей тишиной.

О том, что существует НЕЧТО он понял, когда умер его щегол, который пел каждое утро, шумно возился в клетке, висевшей под потолком на балконе. Глядя на это маленькое тельце с остекленевшими глазами, он осознал, что есть какая-то сила, которая останавливает жизнь. Нечто приходит

внезапно и отнимает жизнь у всего, оставляя после своего визита легкий сладковатый запах. Когда умер щегол, ему показалось, что вместо звенящего пения остался лишь звон в ушах.

Заглушить этот звон он пытался всю жизнь — жил в наушниках, пытаясь ими отгородиться от всего, что окружает, прячась от яркого солнца в фантастические миры. В мыслях облетая вселенную, снова и снова пытаясь ответить на свои детские вопросы: в чем смысл жизни? Зачем я живу? Для чего я тут?

Люди, как кишащая масса вызывала у него отвращение и не было сил разговаривать с каждым из них по отдельности, ведь они в своей беспечной мелочности и незначительности не могли понять его поиски смысла этой жизни. А пустые разговоры лишь усиливали звенящий шум, который не отпускает и медленной пыткой кажется сверлит мозг. Люди были скучны, как скучны их попытки прожить свою жизнь, копошась в мелких незначительных проблемах.

Скука этого мира обнимала, душила, медленно затягивая узел, как любящая жена галстук.

И лишь иногда эта скука отпускала свою хватку, когда он наткнувшись на книги, запоем вычитывал их ночами. Словно в них была жизненная сила, которая по каплям доставалась ему, чтобы примирить с этим миром. Он мог читать сутками напролет, погружаясь в мир пронзительно глубокого минора фантастики, бережно хранящего надежду. Ино-

гда, как в детстве, хотелось, чтобы выросли крылья. Хотелось взмыть высоко вверх и лететь, лететь, чтобы там в звенящей вышине встретиться с ней – со вселенной.

И тогда серый вязкий силуэт скуки отдалялся, приглушался непрерывающийся звон в его голове, и снова ночь наполнялась пронзительной тишиной, как в детстве.

Детство... Он снова возвращался туда, и мысль, словно цепляясь, кружилась чертовым колесом на одном месте. Его детство казалось ему пережитым когда-то кошмаром. Пряча страдания от самого себя и от окружающих, будучи замкнутым и скрытным ребенком, он глубоко переживал ссоры с отцом. Все, что ему полагалось от властного, брызгающего слюной отца – это затрещина или упрек...

Каждый вечер, глядя в неморгающий экран монитора, он плакал. Он вспоминал свое детство. Он вспоминал свое ощущение бессилия, наполняющий его голову звон. Он представлял, как сотрет в памяти образ отца, зашедшегося в крике, как исчезнут вечно мельтешащие и надоедливые мухи-люди и наступит пронзительная тишина, которую он так любил дожидаться в детстве. Он представлял, как где-то на поверхности внезапно немыми серыми фонтанами взметнутся во вселенную суета, мировой кризис, кричащие и надоедливые людишки, и тогда затягивающая свой шейный узел скука исчезнет в тени оседающего мира. Смолкнут все звуки и наступит вожденная тишина.

И тогда к нему стала приходить она – поющая женщина

из хрустального дома в центре белого города...

Одолеваемый только желанием предстоящего освобождения, в надежде, что наконец нескончаемые вереницы мыслей прекратят свой сумасшедший бег, он разрешал своим обрывкам роившихся в его голове фраз выпрыгивать из океана нейронов, и ждал ее появления. Она приходила всегда, когда все в голове хаотично смешивалось и превращалось в клубок времени. От этого хаоса было трудно дышать.

Окно. Надо открыть окно... Распахнув настежь стеклянное удушье, он вдыхал полной грудью уличный шум... А в голове уже звучала протяжная песня, приглушенно плывя из хрустального дома.

Антонина

Антонина (греч.) – вступающая в бой, состязающаяся в силе, противостоящая.

Собственно, ее жизнь была такой же, какой она была у многих женщин. Почему у нее еще нет имени? Потому что она такая же, как и многие. Увидев ее лицо в толпе, сразу о нем забудешь. Ничем не приметная – жила она свою жизнь в ежедневном беге по времени, по жизни, по своим мечтам.

Жизнь шла своим чередом: обжигающий кофе на завтрак, жареная картошка на ужин. Битая посуда, новые туфли и суэта рядом.

Мечты... Мечтала ли она? Кто не мечтает, например, в 15 или 16 лет? В свои пятнадцать она мечтала о большой любви, о том, что можно «увидеть Париж и умереть», о том, чтобы полюбить весь мир, и чтобы мир любил ее.

Антонина, Тонечка, Тоня, много ли можно придумать вариаций имен для маленькой девочки?

Детство... Белая, колышущаяся от ветра занавеска. Медленно ползущая по тыльной части руки божья коровка. Мягкая трава в палисаднике около дома. Куст сирени рядом с крыльцом. Радость от новых красивых туфель. Детские замерзшие руки, которые растирает бабушка своими большими шершавыми руками. Горячие блины со сметаной в вос-

красное утро. Было ли оно – это детство? И неужели это было с ней?

Кому-то детство вспоминается светлыми пятнами счастья рядом с близкими людьми. Для кого-то это тяжелое жизненное испытание.

Детство Антонины выстроилось в ожидании чуда, и этим чудом была надежда на то, что когда-то что-то случится.

– Какая славная красивая девочка! – восхищались прохожие. И ведь было чем восхищаться! Белокурые выющиеся локоны, ямочки на нежных щечках, задорный искристый взгляд и такой брызгающий своей жизнерадостностью и беспечностью смех. Живая, подвижная, милая девочка вызывала восхищение у окружающих.

Ее мать, неся самостоятельно заботы об их маленькой семье, практически не успевала за взрослением дочери. И как у всех детей, жизнь Тони была расписана заранее — детский сад, школа, что-нибудь по профессии, замуж.

Судьба женщин предопределена с самого рождения – сначала она – ребенок, и ее мать определяет ее судьбу, жизнь и выбор. Потом она – выросшая девочка, становясь матерью, определяет судьбу своих дочерей практически в таком же хронологическом порядке, в каком росла сама. Таким образом, с рождением дочери ее жизненный круг замыкается, повторяясь в следующих поколениях девочек.

Можно сказать, что Тоня отличалась с детства какой-то особой восприимчивостью к миру и к людям. Ожидая мать

после работы, готовя ей бутерброды и, кипятя уже который раз чайник, она уносилась в своих мыслях в какую-то другую реальность, где жили счастливые люди, было много цветов и света. Была другая непохожая на ее жизнь.

Вглядываясь в ночной застывший город, воскрешаемый светом фонарей, она мечтала. И мечты ее были цветными и добрыми. Иногда они казались не мечтами, а путешествием в дальнюю страну. И это была не страна, а какой-то мир, который существовал то ли в ее воображении, то ли в ее ощущениях. Он то впускал ее ближе, то закрывался перед ней. И всегда оставалось ощущение исчезающего, незнакомого, влекущего... Это был мир где-то внутри нее, и хотелось остаться там. И в то же время этот мир ускользал, лишь блеснув чешуйкой фантастически прекрасного крыла бабочки.

Приходя с работы, мать тяжело раздевшись и, наскоро поев, бросала куда-то в пустоту вопрос «как дела?» и уходила спать. Так хотелось поговорить, прижаться к родной щеке, ощутить мамин запах. Так хотелось рассказывать ей о пустяках, которые произошли за день – о том, как они с подружкой нашли котенка и теперь подкармливают его, о том, какие маленькие милые щенки родились у дворовой собаки, о том, что в школе скоро праздники и еще о куче всяческих мелочей.

Так хотелось поделиться девичьими сокровенными мыслями и говорить, говорить, говорить, глядя в мамины глаза,

поглаживая теплую чуть шершавую кожу на тыльной стороне ладони. Хотелось спрятаться в эти руки, укрыться ими, снова стать маленькой девочкой с белокурыми волосами, чтобы почувствовать себя под защитой этих рук.

Но оставались только длинные наполненные мечтаниями дни об огнях далекого большого города, о любви и счастье.

Встреча

И сейчас, стоя на остановке в ожидании, она снова незаметно для себя погрузилась в ту фантазию, которая снова и снова возвращала ее в детство – огни, любовь и счастье.

Небо стремительно темнело. Люди беспокойно спешили, чтобы укрыться от надвигающегося дождя, скапливались под крышами остановок, магазинов, забегали в кафе, ловили такси, запрыгивали в уходящий переполненный транспорт.

Крупные стеклянные капли разрезали со звоном густую толщу пыльного воздуха. Капли словно целились в бегущие мишени людей, чтобы попасть побольней, быстро прокатиться по горячей коже и оставить узкую мокрую дорожку. Эти ощущения были неприятны.

Тоня стояла на остановке и пыталась угадать, куда побегит собравшийся ручеек холодной воды. Ручеек настойчиво направился именно в сторону ее босоножек, из которых скромно выглядывали замерзшие пальцы. Зонта у нее не было. Надо было или прятаться под крышей заполненной остановки в ожидании возможного «конца света», или вопреки крупным настойчивым каплям, которые вот-вот должны были перейти в ручьи, решительно отправиться домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.